

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.9.28>

Попкова Татьяна Дмитриевна

Архитектоника мира детства

Целью исследования является системное рассмотрение мира детства в едином концептуальном пространстве, которое предполагает выявление его системообразующих "миров", уровней и структурных компонентов. Научная новизна работы заключается в создании универсальной модели мира детства - архитектоники, - представленной структурными уровнями и единицами, а также определении функций этих миров, направленных на созидание и воспроизводство уникального периода жизни человека. В результате исследования разработана универсальная модель - архитектоника мира детства, применение которой целесообразно как при анализе миров детства в разных национальных культурах, так и в процессе изучения мира детства в художественной литературе.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/9/2020/9/28.html

Источник

Манускрипт

Тамбов: Грамота, 2020. Том 13. Выпуск 9. С. 144-149. ISSN 2618-9690.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/9.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/9/2020/9/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

Философский смысл категории «искусство» связан с усилением бытия, с наполнением первичной реальности смыслом, дополнительной ценностью. Философский смысл дизайна связан с построением вторичной реальности. При этом будет ли вторичная реальность наполнена смыслом, может зависеть от понимания дизайна в конкретный период времени.

Список источников

1. **Барт Р.** Система моды. Статьи по семиотике культуры / пер. с фр., вступ. ст. и сост. С. Н. Зенкина. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2004. 512 с.
2. **Бодрийяр Ж.** Символический обмен и смерть / пер. с фр. С. Н. Зенкина. М.: Добросвет, 2000. 387 с.
3. **Бычков В. В.** Эстетика. Изд-е 2-е, перераб. и доп. М.: Гардарики, 2006. 573 с.
4. **Гегель Г. В. Ф.** Лекции по эстетике / гл. ред. А. Дьяченко. М.: Эксмо, 2018. 224 с.
5. **Жильсон Э.** Живопись и реальность / пер. с фр. Н. Б. Маньковской. М.: РОССПЭН, 2004. 368 с.
6. **Лебон Г.** Психология народов и масс / пер. с фр. Э. Пименовой, А. Фридман. М.: АСТ, 2017. 384 с.
7. **Лола Г. Н.** Дизайн. Опыт метафизической транскрипции / послесл. Н. Б. Иванова. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1998. 264 с.
8. **Лоос А.** Орнамент и преступление (1908) / пер. В. Г. Калиша, А. В. Иконников // Мастера архитектуры об архитектуре. М.: Искусство, 1972. С. 143-148.
9. **Лосев А. Ф.** История античной эстетики. Итоги тысячелетнего развития: в 2-х кн. X. – М.: Фоллио; АСТ, 2000. Кн. 1. 832 с.
10. **Панкина М. В.** Проектная культура Баухауза: целепологание и аксиология мышления // Баухауз и художественные школы эпохи авангарда: материалы Междунар. конф. (17-19 апреля 2019 г.). М.: Издательство МГХПА им. Строганова, 2019. С. 46-47.
11. **Платон.** Государство / пер. с др.-греч. В. Н. Карпова. СПб.: Азбука; Азбука-Аттикус, 2015. 352 с.
12. **Раппапорт А. Г.** Проект и время // Проблемы дизайна – 2: сб. ст. / ред. В. Л. Глазычев и др. М.: Архитектура-С, 2004. С. 22-47.
13. **Рескин Дж.** Лекции об искусстве / пер. с англ. П. Когана под ред. Е. Кононенко. М.: БСГ-ПРЕСС, 2006. 319 с.
14. **Соловьев В. С.** Чтения о Богочеловечестве / вступ. ст. А. А. Тесли. М.: РИПОЛ классик, 2018. 382 с.
15. **Уайльд О.** Избранное / сост. и вступ. ст. С. Бэлзы; прим. А. Зверева. М.: Правда, 1989. 736 с.
16. **Шеллинг Ф. В.** Философия искусства / под общ. ред. М. Ф. Овсянникова; пер. с нем. П. С. Попова. М.: Мысль, 1999. 608 с.
17. **Щедровицкий Г. П.** Теоретические и методологические исследования в дизайне. М.: Изд-во Шк. культур. политики, 2004. 372 с.
18. **Эпштейн М. Н.** Слово как произведение. О жанре однословия // Новый мир. 2000. № 9. С. 204-215.

Design as Philosophical Category

Pankratova Alexandra Vladimirovna, PhD

*National Research University "Moscow Power Engineering Institute"
sashaoscar@mail.ru*

The study aims to determine essential nature of the philosophical category "design". The author suggests that design can be considered as an aesthetical category; however, it contains the meanings which are not defined by the conventional number of aesthetical categories. Scientific novelty of the research lies in demarcating the category "design" from the categories "art" and "the aesthetical" with respect to: 1) functional difference; 2) difference in origin; 3) difference in semiotics. The result of the study is a formula of the philosophical category "design". The category "design" is connected to aesthetical organisation of secondary reality and is characterised by projective, transitive, functional, immanent and semiurgic nature.

Key words and phrases: design; art; the aesthetical; semiotics; the transcendental.

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.9.28>

Дата поступления рукописи: 03.08.2020

Целью исследования является системное рассмотрение мира детства в едином концептуальном пространстве, которое предполагает выявление его системообразующих «миров», уровней и структурных компонентов. Научная новизна работы заключается в создании универсальной модели мира детства – архитектуроники, – представленной структурными уровнями и единицами, а также определении функций этих миров, направленных на созидание и воспроизводство уникального периода жизни человека. В результате исследования разработана универсальная модель – архитектуроника мира детства, применение которой целесообразно как при анализе миров детства в разных национальных культурах, так и в процессе изучения мира детства в художественной литературе.

Ключевые слова и фразы: мир детства; архитектуроника; универсальная система; системообразующие миры; ребенок; детское сообщество.

Попкова Татьяна Дмитриевна, к. филос. н., доц.

*Шаньдунский женский университет, г. Цзинань, Китай
tatyana3@mail.ru*

Архитектоника мира детства

Актуальность исследования детства, рассматриваемого в качестве уникального периода жизни индивида – первоначала человеческого бытия, – требует мультидисциплинарного подхода, который позволяет

осмыслить детство как особый этап жизни человека. В данном контексте разработка архитектуры мира детства реализует универсальный подход к изучению его внутренних и внешних составляющих, представляющих взаимосвязанные и взаимозависимые уровни, отражающие социальную сущность как отдельно взятого ребёнка, так и всего детского сообщества.

Основными *задачами* настоящего исследования являются:

- раскрытие философско-антропологического контекста мира детства;
- демонстрация мира детства как целостной универсальной системы;
- философская интерпретация понятий «миры детства»: «мир ребёнка», «мир детей», «детская субкультура», «картина мира в представлении детей», «максимы детства», «системообразующие миры детства», «миры субъективированной инореальности», «миры объективированной реальности».

В работе использовались дополняющие друг друга общегуманитарные *методы* (сравнительно-исторический, философско-культурологический, социально-психологический, феноменологический). Для реконструкции мира детства применялись методы объяснения и моделирования; при описании архитектуры мира детства – методы контекстуализации и экспликации проблемы, а также интенциональный анализ.

В качестве концептуального понятия, объединяющего подходы, используемые в разных формах гуманитарного знания, мы предлагаем использовать понятие «мир детства», под которым имеется в виду сложно структурированная система, функциональной особенностью которой выступает жизнедеятельность главного действующего субъекта – детского сообщества, – рассматриваемая нами в качестве *модели* – теоретической проекции, выражающей *содержание* детства (чувств и эмоций, системы ценностей, принципов мышления, деятельности и т.п.). «Границы» этого мира выполняют функцию своеобразной защиты от мира взрослых.

Прежде всего, следует отметить, что в данном употреблении слово «мир» вбирает в себя сразу несколько смыслов, т.е. используется во «всезначении» (такое словоупотребление имеет в русской культуре давнюю традицию). Во-первых, мир рассматривается как *жизненное пространство личности* в полноте её бытия; во-вторых, как способ *автономной индивидуальной жизнедеятельности*, анализируемой во всём многообразии субъективных и объективных проявлений; в-третьих, как особая совокупность личностного *мироощущения*, *мировосприятия* и *миропереживания* (то есть как внутренний, интимный мир человека); в-четвёртых, как *жизнедеятельность* множества индивидов; в-пятых, как *совокупность* одновременно существующих параллельных (или частично пересекающихся) *жизненных траекторий* поколений, имеющих разные исторические, онтологические, гносеологические и аксиологические корни. На протяжении своей жизни человек осваивает, а затем и существует во множестве «миров» (реальных и виртуальных), с которыми ему приходится вступать в определенные отношения в зависимости от сформировавшихся установок и складывающихся социальных реалий. Чем больше у человека «миров», тем более насыщенно и многообразно его бытие.

Мы предлагаем разделять понятия «детство» и «мир детства», которые – при всей своей близости – представляют принципиально разные явления. Основными характеристиками детства можно считать определённые возрастные и статусные этапы жизни (младенчество, ранний возраст и т.д.), процессы развития (физического, психического, интеллектуального и др.) и взросления (освоение системы ценностей, нравственных норм, умение принимать на себя ответственность), формирование потребностей и интересов, а также ментальной (духовной) структуры личности. В отличие от детства, *мир* детства представляет собой универсальную систему, функциональной особенностью которой является пространственно-временной континуум жизнедеятельности сообщества [9].

Мир детства представляет многоуровневое явление, включающее несколько относительно самостоятельных, но одновременно взаимосвязанных и взаимозависимых системообразующих миров, которые соотносятся между собой по ряду параметров: очевидности и условности, времени и пространству, месту и действиям субъектов, соотношению социальности и ментальности, коллективности и индивидуальности и т.п. Мир детства существует как явление коллективного сознания, которое зависимо от окружающей среды и одновременно автономно от неё, а его актором выступает каждый ребёнок. Органично входя и погружаясь в этот мир, ребёнок определяет своё место в детском сообществе и осознаёт собственную значимость.

Мир детства раскрывает многообразные связи ребёнка с миром взрослых, «частью» которого он должен стать в ближайшем будущем. Окружающая среда обычно «навязывает» детям правила и нормы, которые могут не совпадать с их ожиданиями и потребностями. Находясь в своём мире, дети принимают его неформальные законы, обусловленные окружающей средой и реалиями современности, что помогает преодолевать возникающие противоречия между миром детства и миром взрослых.

Деятельность детского сообщества постоянно расширяет границы собственного мира, позволяя тем самым новым поколениям и сохранять механизмы воспроизводства, и «корректировать» его существование в изменяющихся социальных условиях. Примером этого служит возникшая в середине XX в. в Западной Европе и Северной Америке ориентация на индивидуализм как основу формирования и воспитания личности. Идея оказалась утопической: усилия «новаторов» не оказали существенного воздействия на решение проблемы воздействия массовой культуры на сознание детей (выражающееся, в частности, в возрастных субкультурах). Каждое поколение детей обязательно проходит путь подражания кумирам или становится фанатом какого-либо явления (например, компьютерных игр). «Согласно историко-эволюционному подходу развитие сложных самоорганизующихся систем предполагает противоборство двух тенденций – к изменению и к сохранению» [3, с. 39].

Таким образом, мы можем отметить, что мир детства, рассматриваемый как системообразующее начало бытийствования ребёнка, сохраняет опыт предыдущих поколений и способствует формированию у детей

нового опыта, то есть отражает общие принципы, лежащие в основе развития любого общества. Ю. М. Лотман, объясняя причины уникальности человеческого общества, связывал их с тем, что оно состоит из отдельных элементов, «каждый из которых в отдельности изоморфен целому» [5, с. 58]. Такая «изоморфность» является *сущностной характеристикой* мира детства, включающей в своё содержание «множество» фракталов (самоорганизующихся явлений, характеризующихся сходством структур, повторяемостью и территориальной неограниченностью). Введение в гуманитарный дискурс понятия «мир детства» позволяет объединить разрозненные области исследований детства в единое понятийное поле.

Теоретической базой исследования являются работы Э. Куруленко, С. Щегловой, Д. Мамычева, С. Шалаевой, М. Ноготковой, в которых мир детства рассматривается в качестве социокультурного феномена, в контексте воздействия на него мира культуры, создаваемого взрослым.

С. В. Норенков предложил рассматривать архитектонику как особую форму научного знания, способ организации искусства и культуры, в основе которой находятся процессы взаимодействия людей с окружающим и творимым предметным миром [7]. Эти идеи послужили для нас основанием для аргументации объективности существования целостной системы мира детства.

В своей работе мы следуем принципам интегрированного философско-культурологического подхода, который предполагает обращение к онтологии (сущности и генезису детства), феноменологии (взаимодействию с различными областями гуманитарных знаний), исследованию типологии *миров* (то есть анализу воспроизводимости изучаемого явления в различных культурах).

Практическая значимость описания архитектоники мира детства заключается в том, что оно стимулирует развитие, расширение и углубление исследований бытия ребёнка, акцентуацию смысловой, экзистенциальной, аксиологической и духовной составляющих, способствующих выявлению особенностей его существования в стремительно преобразующемся мире.

Как явление духовной реальности, мир детства уникален, неповторимость его связана с личностью его создателя – ребёнка. Сосуществование в сознании каждого ребёнка нескольких разных «миров» обусловлено когнитивными потребностями личности, а также индивидуальной траекторией развития. Ощущение собственного мира детства ярко и точно выразил А. Асмолов: «Главное ощущение мира моего детства – это то, что этот мир полностью существует для меня... я должен его в себя втянуть, а потом сделать так, чтобы собой размножиться всюду и везде. Я выступал как своего рода мироуловитель...» [6]. Следует отметить, что для обозначения представлений об окружающей действительности дети обычно не используют слово «мир»: этим словом часто определяют реальность, в которой пребывают взрослые.

В общегуманитарном поле до настоящего времени отсутствует целостная модель мира детства, которая бы включала в своё содержание все аспекты жизнедеятельности и бытия детей как субъекта социального универсума.

Изучение мира детства следует начать с признания его в качестве части универсума. Основанием для такого утверждения является возникшая в зарубежной и отечественной философии в конце XX – начале XXI в. «проблема сложности» (синергетики), исследуемой как особой научной парадигмы (работы Л. Зеленова, М. Кастельса, В. Шалаева, Э. Юдина и др.), так и теории самоорганизующихся систем (исследования Д. Альбертса, М. Гелл-Манна, М. Коннера, И. Пригожина, Г. Хакена, Т. Цервински). Объяснение существования особых универсальных механизмов, которые мы обнаруживаем в мире детства, способствует познанию и пониманию функционирования этой сложной системы: «Чтобы быть реализуемым, сложное должно быть устроено просто, а простые схемы немногочисленны и потому универсальны» [8, с. 404-426]. Принцип изложения сложного феномена на примере простой модели и использован в нашем исследовании.

Начиная с 1930-х гг. детство стало рассматриваться в качестве самостоятельного объекта культурологических исследований. Особый интерес представляють работы, в которых рассматриваются его *этнологические* характеристики (М. Айнсворт, Ч. Бранниган и Д. Хамфриз, И. Эйбл-Эйбесфельдт), а также процессы межпоколенческой трансмиссии культуры (Л. Демос, М. Мид, Р. Рохнер).

В рамках культурологических исследований на примере различных национальных культур было осуществлено *историческое конструирование* детства (исследования Л. Демоса, К. Дюбуа, И. Кона, К. Леви-Брюля, М. Мид, Р. Рохнера, Э. Тайлора, Б. Уайтига, Э. Эриксона и др.). История и *этнография* детства описывались в работах Ф. Ариеса, М. Малиновского, Н. А. Рыбникова, Р. Ферса. Изучение *детского фольклора* осуществлялось А. Афанасьевым, П. Бессоновым, А. Ветуховым, В. Далем, Е. Покровским. Описание феномена детской субкультуры содержалось в работах В. Абраменковой, Н. Иванова, С. Лойтер, И. Носко, М. Осориной, Т. Попковой, М. Чередниковой, Р. Чумичевой и др.

Среди современных исследователей истории изучения детства следует назвать А. Байбурина, В. Безрогова, Л. Бережнову, С. Борисова, К. Келли, С. Леонтьеву, А. Радченко, М. Ромашеву, Л. Холмза, А. Чашухина и др., интересы которых сосредоточены на анализе исторических и архивных источников.

В начале XXI в. детство стало рассматриваться с использованием поликультурного междисциплинарного подхода. Наиболее значимыми исследованиями можно считать работы А. Горелова и Т. Гореловой «Концепция пассионарности и проблема смысла жизни», М. Тендряковой «Игровые миры», а также диссертационные исследования И. Носко «Детство как психосоциокультурный феномен», Л. Нефёдовой «Феномен детства в основных формах его репрезентации», Д. Мамычева «Феномен детства в европейской культуре: от скрытого дискурса к научному знанию» и некоторые др.

Следует отметить, что в трудах перечисленных исследователей мы не находим прямых упоминаний о «мире» (или «мирах») детства, однако западноевропейские учёные обращаются к этому понятию в работах,

посвящённых изучению *игрового пространства* детей: так, например, Й. Хейзинга говорит о «временных мирах», Р. Кайуа – о «защищённом мире», Ю. А. Шрейдер – о «свободной зоне».

Утверждение А. Г. Асмолова «Человек – существо, конструирующее свои миры, свою среду обитания» [2, с. 5-7] послужило для настоящего исследования отправным моментом. Это высказывание непосредственно относится и к периоду детства, на протяжении которого создаются первые миры и реальности: игровые, субъективные и объективные, трансперсональные и вымышленные и др., имеющие как временное, так и относительно устойчивое измерение. Эти многочисленные миры, в которые входит ребёнок, выполняют различные функции в формировании и становлении ребёнка как личности в своём стремлении к самореализации и свободе [10].

Для описания модели мира детства мы предлагаем использовать понятие «архитектоника», которое предполагает выявление отдельных компонентов структуры для установления закономерностей, характеризующих целое, что позволяет раскрыть многоаспектную природу рассматриваемого явления. Термин «архитектоника», получивший распространение в зодчестве, изобразительном искусстве, российском литературоведении, по своему значению близок к понятию «композиция».

Под *архитектоникой мира детства* мы понимаем целостную систему взаимосвязанных структурных единиц бытия ребёнка. Мы исходим из традиционного представления об архитектонике как о системе, раскрывающей целостное построение сложного объекта, имеющего взаимосвязанные части и элементы, объединённые определённым содержанием.

Мы предпринимаем попытку философско-антропологического и культурологического осмысления этого понятия. Архитектоника мира детства выражает объективную реальность, предстающую в качестве одного из сегментов социального универсума. Понятие «архитектоника» используется нами в качестве способа обобщения наблюдений мира детства, является результатом собственных умозаключений, проистекающих из практики общения с детьми (см. Схему 1).

Схема 1. Модель архитектоники мира детства

В предложенной нами модели мы выделяем *четыре уровня*: 1) мир ребёнка; 2) мир детей; 3) мир детской субкультуры (включая связанные с ним *картины мира в представлении детей* и *максимы детства*); 4) системообразующие миры детства (включая *миры объективированной реальности* и *миры субъективированной иореальности*). Основанием для выделения в архитектонике данных уровней является их соотнесённость с существующими в научной среде аспектами представления детства. Эта модель характеризуется универсальностью и позволяет исследовать мир детства в любом временном контексте в рамках любой национальной культуры, выполняя при этом функцию *транснационального эгрегора*.

Схематическое расположение «миров» позволяет представить их в качестве нераздельного целого и отражает соотнесённость друг с другом, конкретизируя ступенчатое расширение ментального пространства мира детства, что подчёркивает аксиологическую значимость в бытии ребёнка данных «миров». Каждый из них, в свою очередь, являет *систему* самостоятельных образований, общее содержание которых будет раскрыто нами в процессе исследования.

Взаимосвязь элементов архитектоники обусловлена в первую очередь последовательностью вхождения и освоения детьми определённого «мира» (как очередной ступени восхождения на новый уровень развития), во вторую – степенью обогащения личного опыта ребёнка в процессе развития, адаптации, индивидуализации и социализации. Каждый «последующий» уровень выражает большую степень абстрактности рассматриваемых

объектов. Переход от одного уровня к другому сопровождается их *усложнением* и в общем плане соответствует логике развития ребёнка как личности.

Первые два уровня являются «первоначалом», «первоэлементом» архитектоники (без присутствия ребёнка нет и мира детей). Ребёнок изначально является частью мира детей, внося свой вклад в его существование (исключением из этого явления можно считать только так называемых «детей-Маугли», которые оказались изолированы от социума, в результате чего стали лишены возможности присоединиться к рассматриваемому нами миру детства).

Последующие два уровня демонстрируют расширение когнитивного пространства мира детства. Связующим элементом третьего уровня выступает мир детской субкультуры, а четвёртого – системообразующие миры.

Первый уровень. В основе мира детства находится **мир ребёнка**, то есть пространство, проявляющее действенную, самосозидающую сущность его бытия, оказывающееся совокупностью его внутренней и внешней ипостасей, функциональное предназначение которого направлено на созидание собственного мира в рамках конкретной окружающей среды. Ребёнок, как активный субъект, непрерывно раздвигает границы своей жизнедеятельности, одновременно выступая в роли «зодчего» личного мира, и интуитивно привлекает окружающих к соучастию в его бытии. Постепенно приобщаясь к другим мирам, ребёнок открывает органичный для себя мир детей.

Второй уровень. **Мир детей** – в отличие от мира ребёнка, соотнесённого с конкретной формирующейся личностью, – это *обобщённый* образ ментального и материального пространства, включающий феномены его проявления в историко-культурном контексте. Этот уровень концентрирует локальные пространства первого уровня и выполняет функцию объединения детей в возрастное (или поливозрастное) сообщество и их инициацию.

Третий уровень. **Мир детской субкультуры** является «ядром» уровня, в котором сосредоточено наиболее яркое самовыражение и позиционирование мира детей; с ним тесно связаны выделенные два других сущностных элемента мира детства – *картины мира в представлении детей* и *максимы детства*. Эти два элемента соотносятся друг с другом как интеллект и психика, замысел и его воплощение, наблюдение и действие. «Границы» составляющих элементов этих миров в большей степени открыты и могут ассимилироваться между собой.

Картины мира в представлении детей характеризуют видение, осознание и объяснение ребёнком окружающей действительности и её отдельных явлений (мир – «свой», «чужой», «наш», «ничей»...). Данные процессы способствуют формированию мировоззренческой позиции личности.

«Максимы детства» («максимы» – сжатые, концентрированные формулировки, выражающие качественные чувственно-субъективированные характеристики; возникновение этого термина связывается с традицией, идущей от Ф. де Ларошфуко [4]). Эти словосочетания, на наш взгляд, наиболее точно определяют «экспрессию» мира детства и раскрывают экзистенциально-аксиологическую проявленность ребёнка миру: «наличие ино-реальности»; «демонстрация, обнажение экзистенциальной сущности личности»; «искренность веры в реальность происходящего»; «прогнозируемость сценария действий»; «многоуровневость целеполагания»; «актуальность выявляемых проблем»; «реактивность инициативы»; «непринятие детьми стереотипных взглядов взрослых»; «повторяемость (серийность) событий»; «естественно-непринуждённое поведение». Особым явлением мира детства следует признать «словотворчество детей», осуществляющееся в процессе освоения ими родного языка, во время которого из глубин родовой памяти могут «всплывать» различные архаичные лексемы.

Структурные элементы этого уровня связывает раскрывающаяся в сознании детей способность к проникновению в жизненные смыслы и определению себя как личности в окружающей действительности. Детская субкультура помогает проявляться этим процессам, а её существование создаёт почву для осмысления и формирования мировидения; «максимы» способствуют насыщению жизни детского сообщества эмоционально-чувственными переживаниями. Структурные элементы этого уровня мира детства отражают определённый этап взросления ребёнка, который в дальнейшем предопределяет возникновение чувства протирвочия и «бунта» по отношению к окружающему социуму.

Четвёртый уровень. Объединяющим звеном для этого уровня мы определяем **системообразующие миры** – пространственно-временные континуумы, в которых дети выражают свою «самость», способность к постижению причинно-следственных связей, закономерностей и противоречий в существующем вокруг них мире («Мир родного дома», «Мир интуитивного самопознания», «Мир вопрошаний»...). В процессе освоения этого уровня в сознании детей выстраивается система, объясняющая закономерность возникновения норм и правил жизнедеятельности социума (семья – детский сад – школа – вуз; город/село – регион – страна – мир и т.д.). Функциональной особенностью этих миров становится формирование сознательной сопричастности к миру человека.

С системообразующими мирами соотнесены *миры субъективированной реальности* и *миры объективированной реальности*, начало формирования которых было положено в мире детской субкультуры. Вопрошающее, сомневающееся, пытлиное сознание детей нуждается в «размещении по полочкам» всей получаемой извне информации, в её «оправдании» или объяснении с собственной жизненной позицией.

Миры субъективированной реальности (в число которых мы предлагаем включать «мир инореальных образов», «мир архаичных тайн», «мир персональных “сокровищ”») характеризуют поколенческую преемственность, проявляющуюся через сохранение родовых и трансцендентальных связей. Основная функция этих миров заключается во «включении» ребенка в семейный, культурный и национальный менталитет.

Миры объективированной реальности (в числе которых нами выделены «мир поиска знаний», «мир увлечений», «мир созидательной деятельности», «мир спонтанных развлечений», «мир произвольного

экспериментирования») характеризуют деятельностную природу детей, которая обнаруживается в игровом пространстве, вовлекающем каждого ребёнка в полифункциональную (многовариативную) или монофункциональную (однонаправленную) сферу практической деятельности в составе коллектива (детского сообщества) или персонально. Данные миры функционально ориентированы на самоактуализацию ребёнка в окружающем мире, нахождение своей индивидуальности, т.е. имеют *прогностическую* направленность (помогают представить себя в будущем – профессиональном, семейном, общественном и т.п.).

«Миры» четвертого уровня максимально расширяют границы пространства мира детства до его предельного наполнения смысловыми аспектами, тем самым приближая детей к миру взрослых.

Создавая свои «миры» и погружаясь в них, дети воспринимают каждый из миров как личное пространство: «Это постоянная игра между идентификацией и отчуждением, между централизацией и децентрализацией, между конструкцией и деконструкцией смыслов» [6].

Архитектоника мира детства создаёт открытую модель и не претендует на окончательную завершенность. Систематизация «миров» в предложенной нами модели является результатом рассмотрения детства и изнутри, и извне – при помощи «внешнего» взгляда на изучаемые феномены. В процессе дальнейшего исследования детства в эту модель возможно включение и других «миров».

Таким образом, мы приходим к следующим **выводам**.

1. Восприятие обществом детства в значительной мере ограничивается «обыденной» констатацией его как первоначального этапа жизни, а сам мир детства не воспринимается как равный миру взрослых.

2. Множественность интерпретаций детства создаёт в научной среде предпосылки не только создания целостного по своему содержанию тезауруса, но и осмысления мира детства в качестве части социального универсума, который мы предлагаем рассматривать как особую модель – архитектуру, – позволяющую охватить взглядом весь мир в его целостности.

3. В процессе выявления отдельных компонентов структуры мира детства архитектура выполняет интегрирующую функцию и определяет её целостность, что позволяет раскрыть многоаспектную природу рассматриваемого явления.

4. Сущностное познание мира детства осуществляется в процессе обретения нового – возрастного и социального – статуса, т.е. максимального дистанцирования от объекта изучения.

5. Миры детства выявляются в *вербальном пространстве* – художественной литературе, автобиографических текстах, интервью, которые представляют для исследователей объективные свидетельства наличия целостной системы жизнебытия детей.

Список источников

1. **Архитектоника** [Электронный ресурс] // Литературная энциклопедия. URL: https://gufo.me/dict/literary_encyclopedia/ Архитектоника (дата обращения: 05.08.2020).
2. **Асмолов А. Г.** Культурно-историческая психология и конструирование миров / Акад. пед. и соц. наук; Моск. психол.-соц. ин-т. М. – Воронеж: НПО МОДЭК: Изд-во Института практической психологии, 1996. 768 с.
3. **Асмолов А. Г., Гусельцева М. С.** Феноменология неадаптивной активности в культурно-исторической парадигме // Культурно-историческая психология. 2008. № 1. С. 37-46.
4. **Ларошфуко Ф.** Максимы и моральные размышления / пер. Э. Л. Фельдман-Линецкой; издание подготовили: А. С. Бобович, Э. Л. Линецкая и др. М.: Наука, 1993. 21 с.
5. **Лотман Ю. М.** Семиосфера. СПб.: Искусство СПб, 2010. 704 с.
6. **Мостовщиков С.** Правила сотворения мира. Будь готов к тому, чего не будет. Беседа с психологом Александром Асмоловым [Электронный ресурс]. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2020/06/29/86070-pravila-sotvoreniya-mira> (дата обращения: 11.08.2020).
7. **Норенков С. В.** Архитектоника и синархия: концептуальное проектирование и моделирование: монография. Н. Новгород: Нижегород. гос. архит.-строит. ун-т, 2005. Ч. 1. 268 с.
8. **Подлазов А. В.** Будущее прикладной математики: лекции для молодых исследователей. Поиски и открытия / под ред. Г. Г. Малинецкого. М.: Эдиториал УРСС, 2005. 512 с.
9. **Попкова Т. Д.** Методология исследования детства // Научные ведомости Белгородского государственного университета. 2001. № 14 (109). С. 195-201.
10. **Попкова Т. Д.** Экзистенциальное сознание ребёнка (на примере повести Ч. Айтматова «Белый пароход») // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. Философия и социология; культурология. 2010. № 4 (4). 2010. С. 87-96.

Architectonics of Childhood World

Popkova Tatyana Dmitrievna, PhD
Shandong Woman's University, Jinan, China
tatyana3@mail.ru

The study aims to examine in a systematic manner childhood world in a single conceptual space, which implies identification of its system-forming “worlds”, levels and structural components. Scientific novelty of the work lies in creating a universal model of childhood world, architectonics, represented by structural levels and units, as well as in identifying functions of these worlds directed at creating and reproducing a unique stage of human life. As a result of the study, a universal model, architectonics of childhood world, is built, it can be usefully applied to an analysis of childhood worlds in different national cultures and also in the process of studying childhood world in fiction.

Key words and phrases: childhood world; architectonics; universal system; system-forming worlds; child; children's community.